скому".[1] Известие, несмотря на краткость, выделено в „Русском Временнике" особым заголовком: „Был князь великий у Николы у Заразского". Пышность московских великокняжеских или царских выездов на богомолье в XVI в. известна: всякий раз это было крупным событием не только в жизни великокняжеского двора, но и в жизни всей столицы; не безразличен был, разумеется, и выбор места для такого рода поездок: царский или великокняжеский выбор сразу же придавал облюбованному монастырю со всеми его святынями и достопримечательностями, на некоторое по крайней мере время, особую популярность. Летописный памятник, составлявшийся между 21 августа и 3 декабря 1533 г., т. е. каких-нибудь полгода спустя после паломничества великого князя в Зарайск и, вероятно, одновременно с новой, уже предсмертной, поездкой великого князя на богомолье (о которой сообщает известная повесть о его „преставлении"), — такой памятник, скорее всего, и мог сообщить, кроме известия о самом паломничестве, также и культовое предание о том месте, которое тогда для него было избрано целью.

К тому же мы располагаем известными данными, позволяющими самый выбор великим князем в 1533 г. Зарайска местом своего богомолья отнести не столько за счет его личной набожности, сколько за счет политических его видов. Паломничеству туда в 1533 г. предшествовала в 1531 г. постройка в Зарайске крепости; под указанным годом в Воскресенской и Никоновской читаем: „срублен бысть того же лѣта на Коширѣ град древян, а на Осетрѣ камен" (ПСРЛ, т. VIII, стр. 278; т. XIII, стр. 58). В „Русском Временнике" к этому известию добавлено: „у Николы чудотворца у Зарасского" (ч. 2, стр. 354). А это мероприятие, в свою очередь, вытекало, как показано будет ниже, из сложных и длительных взаимоотношений Москвы не только с крымскими татарами (для обороны от которых выстроена была крепость), но и с князьями рязанскими, патрональной святыней которых был как раз Николин образ в Зарайске. Все говорит, таким образом, за то, что хронографическая редакция Повести о Николе Зарасском была выработана и включена в „Русский Временник" одновременно с возникновением его собственной редакции 1533 г.

Из трех редакций Повести, пока еще не рассматривавшихся, — редакции святцев (*Свц*), особой (*Ан*) и проложной (*Пр*), проще всех поддается датировке *Ан*, где в послесловии читаем: „Списано у стрѣлецкого головы у Никиты Леонтиева сына Анненкова у резанца, восьмыя тысящи 141 году, марта 9 день", откуда видно, что переписчик работал над попавшим ему в руки списком рязанца Анненкова в 1633 г.; самый же факт такого рода приписки и дальнейшего вслед за ней послесловия не оставляет сомнений в том, что этот переписчик был и довольно самостоятельным редактором Повести. Он не только соединил заново распространенную редакцию с компилятивной, но и дополнил такой их свод целым рядом своих собственных отступлений. Выработанной в результате этого редакции, известной мне пока в одном списке, и присвоено название *особой*.

Проложная редакция, единственный список которой в точности повторяет текст печатного Пролога под 29 июля, является обычным при включении в поздний Пролог сокращением, в данном случае —

[1] Русский Временник, изд. 1820 г., ч. 2, стр. 360. В Воскресенской и Никоновской место „марта в 1 день" читается: „марта 10" и в заключение добавлено: „а на Москву приехал того же месяца 19". ПСРЛ, т. VIII, стр. 282, и т. XIII, стр. 68.